

Александр Иванович Эртель

**Повесть о жадном мужике
Ермиле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Э82

Э82 **Эртель А.**
Повесть о жадном мужике Ермиле / Александр Иванович Эртель – М.: Книга
по Требованию, 2022. – 74 с.

ISBN 978-5-521-39300-8

ISBN 978-5-521-39300-8

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ПОВѢСТЬ

ЖАДНОМЪ МУЖИКѢ ЕРМИЛѢ.

I.

Въ Орловской губерціи есть село Большіе Ключи. Тому назадъ дѣтъ тридцать, еще при господахъ, жили въ этомъ селѣ три брата—Иванъ, Онисимъ да Ермилъ. Баринъ ихъ проживалъ въ чужихъ краяхъ, мужиковъ не отягощалъ, и сидѣли у него мужики на оброкѣ: высылали барину каждый Покровъ по десяти рублей съ тягла. Старшій братъ Иванъ, да середній Онисимъ были женаты и уже имѣли дѣтей: Онисимъ двоихъ имѣлъ дѣтей, Иванъ—троихъ, меньшой братъ Ермилъ былъ еще подростокъ. Хозяйство у братьевъ велось исправное, по

не зажиточное. Мужики они были непьющіе и на работу завистливые: выйдутъ, бывало, косить—за троихъ управляются. Но какъ было у нихъ много ѣдковъ, а Ермилъ по своимъ малымъ годамъ за мужицкую работу еще не принимался, то и не было большого избытка въ ихъ хозяйствѣ. Обходились своимъ хлѣбомъ, пахать выѣзжали въ двѣ сохи; въ стадо выгоняли бабы корову да подтелка, да четыре овцы; оброкъ о Покровѣ выправляли акуратно. Избытка же не было.

Только сдѣлалась въ Россіи война. Пришелъ французъ, пришелъ англичанинъ съ туркой и съ итальянцемъ, обложили русскій городъ Севастополь и побили много народу. Не хватило солдатъ у царя, велѣлъ онъ собирать ратниковъ. Дошелъ чередъ и до села Большихъ Ключей, пришлось итти Онисиму въ ратники. Пошелъ онъ, захворалъ въ походѣ, — похода еще не кончилъ, померъ отъ горячки. Онъ померъ, ратничиха съ сиротами осталась у Ивана, и стало Ивану очень трудно. Взялся Ермилъ за косу, началъ привывать по маленьку, и подумалъ Иванъ: женимъ малаго, посадимъ на тягло, извернемся какъ нибудь. Хотѣлъ женить, а тутъ случился плохой годъ: ударили поздніе морозы, охватили рожь на цвѣту; лѣтомъ пришла на горохъ вошь, горячіе вѣтры овесъ пожгли. Пришлось уби-

рать мужикамъ одну солому. Еще труднѣе стало братьямъ.

Тѣмъ временемъ у барина появились свои заботы. Пришло письмо отъ барина, погнали добавочный оброкъ по шести рублей съ тягла. Староста повадился ходить къ Ивану чуть не каждый день, ходитъ, посошкомъ постукиваетъ, зудитъ. И заскучалъ Иванъ: стыдно ему стало передъ людьми за свою бѣдность.

Вотъ сѣли обѣдать, Иванъ и говоритъ Ермилу:

— Иди, Ермилъ, къ купцу въ работники. Возьмемъ задатокъ, извернемся какъ нибудь. А я, какъ ни какъ, оборочусь одинъ: можетъ въ извозъ съѣзжу, можетъ поленьщина какая навернется.

Ермилъ побряхтѣлъ, почесалъ въ головѣ, почесалъ вокругъ поясницы и говоритъ брату:

— Дѣло-то не привычное въ работникахъ. Кто ее знаетъ какъ оно тамъ... Порядки, глди, не нашинскіе: какой ногой ступить, гдѣ стать, гдѣ сѣсть...

II.

Однако подумали, подумали,—собрался Ермилъ, выправилъ себѣ билетъ у прикащика, пошелъ въ

городъ. И такое ему вышло счастье, что сразу нанялъ его купецъ и выдалъ впередъ двѣнадцать рублей. Откупился Иванъ отъ старости.

И попался Ермилу купецъ добрый. Ругаться не ругается, работой не неволитъ, харчей даетъ въ волю, а по праздникамъ и водки подносить. Полюбился Ермилу такое житье. Малый онъ былъ проворный, сметливый и сталъ онъ мало по малу приглядываться.

И видитъ на первый разъ, что купецъ уважаетъ чистоту. Дворъ у него большой, мощный, навезутъ мужики хлѣбъ съ базара, натаскаютъ навозу, насорятъ зерномъ — Ермилъ возьметъ метлу да все чисто на чисто и подмететъ. Подыметъ метель, повалитъ снѣгъ, навѣетъ вьюга сугробы — Ермилъ возьметъ въ руки лопату да и сгребетъ снѣгъ къ сторонѣ. А купецъ пройдетъ мимо, ухмыльнется, погладитъ бороду и скажетъ Ермилу:

— Старайся, старайся, парень, труды твои за мной не пропадутъ.

И еще видитъ Ермилъ, что купецъ любитъ почетъ; любитъ, чтобъ съ нимъ обходились вѣжливо, кланялись бы ему низко. Бывало такъ: назоветъ его какойнибудь человѣкъ вашимъ степенствомъ, поклонится ему, и купецъ радъ и всячески отлича-

еть такого челоѣка. Ермилъ тоже сталъ прино-
равливаться: началъ хозяина величать, шапку пе-
редъ нимъ скидать — самъ блается, а лицо ока-
зываетъ веселое, точно ему великій праздникъ хо-
зяина своего видѣть. И купецъ очень былъ дово-
ленъ Ермиломъ.

И еще видитъ Ермилъ — ссыпаетъ купецъ у му-
жиковъ хлѣбъ, и какъ какой молодецъ озорнѣ по-
ступаетъ съ мужиками, какъ ежели походъ на вѣ-
сахъ выходить у него больше противъ другихъ мо-
лодцевъ — такъ тотъ молодецъ пріятнѣй купцу и
случается, что купецъ выдаетъ ему награжденъе.
И носятъ такіе молодцы одежду изъ тонкаго сукна,
сапоги на нихъ хорошіе, вытяжки, живутъ весело,
всегда съ деньгами. Ермилъ не будь плохъ и го-
ворить купцу:

— Семъ-ка я, ваше степенство, попытаюсь. Я
къ этому дѣлу присмотрѣлся.

Согласился купецъ и остался очень доволенъ Ер-
миловой ссыпкой. — Съ мужиками Ермилъ зубъ за
зубъ; ежели ссыпка на мѣру идетъ — въ мѣрѣ зерно
кулакомъ утаптываетъ, гребломъ о-бока поколачи-
ваетъ, сгребаетъ съ хитростью все больше около
краевъ, а середка горбомъ стоитъ; ежели ссыпка
на вѣсъ — Ермилъ промежъ вѣсовъ вертится, паль-
цемъ за стрѣлку цѣпляетъ, наровитъ доску съ гѣ-

рями ногой подтянуть. Мужики только головами крутятъ. — «Ну, ужъ десъ у тебя этотъ парень» — говорятъ купцу. А купецъ притворяется будто не его дѣло. Самъ же примѣчаетъ за Ермиломъ и радуется. И призываетъ его одинъ разъ къ себѣ въ горницы и говоритъ:

— Вижу твою ухватку, Ермилъ. Труды твои за мной не пропадутъ. — И тутъ же подноситъ ему стаканъ водки, а самъ вытаскиваетъ изъ кошелька пятишницу и говоритъ: — это тебѣ за твои труды награжденіе. Старайся. Обрадовался Ермилъ. Купилъ себѣ рукавицы замшевыя, справилъ поддевку тонкаго сукна и еще больше началъ угождать хозяину.

III.

И сталъ купецъ сажать его съ собой вмѣсто вучера. Поѣдетъ по господамъ хлѣбъ скупать — и Ермилъ съ нимъ; по базарамъ ссыпку дѣлать — и Ермилъ съ нимъ. Не нахвалится купецъ Ермиломъ. Кули набиваетъ, подводы нанимаетъ, мѣрой гремить — вся ухватка молодцовская, совсѣмъ на мужика сталъ не похожъ.

Вотъ разъ ѣдутъ они дорогой. Небо бѣлое, поле бѣлое, по дорогѣ вѣшки натѣваны, полозья визжатъ по морозу. Скучно сдѣлалось купцу и завелъ онъ разговоръ съ Ермиломъ.

— Вотъ, говорить, Ермилъ, купили мы съ тобой двѣ тысячи кулей овса. Купили дешево, а продадимъ дорого. Смотри сюда—и показываетъ ему на пальцахъ—цѣна въ покупкѣ девять гривенъ серебра, амбаръ ляжетъ дятачекъ на куль; кули—три денежки съ пуда; девять копѣекъ; до Москвы переправить четвертакъ съ пуда—за куль полтора цѣлковыхъ. Сколько выйдетъ по твоему?

Смѣянуль Ермилъ и говорить:

— По моему выходитъ девять рублей безъ гривны, ваше степенство.

— Дуракъ! кто нынче на ассигнаціи считаетъ? Смѣкни на серебро.

Подумалъ Ермилъ и вышло у него на серебро 2 р. 54 к. за куль. Сказалъ онъ такъ, да тутъ же и притворился, чтобы польстить купцу:—конечно, мы люди темные. Вашему степенству лучше знать—вашему уму виднѣе. Купецъ совсѣмъ размякъ отъ этихъ словъ. Погладилъ бороду, шубой запахнулся и еще больше сталъ ему любъ Ермилъ. И показываетъ онъ ему письмо.

— Вотъ гляди, говорить, Ермилъ,—парень ты

тимкой, одна твоя бѣда: грамотѣ не смыслишь. А я учень грамотѣ. Потому—ты мужикъ и отцы твои, можетъ, няньку Богу молились, а у меня и отецъ купецъ, и дѣдъ купецъ, и самъ я купецъ по третьей гильдіи. И потому мнѣ грамота нужна. Вотъ въ самомъ этомъ письмѣ изъ Москвы пишутъ: цѣна на овесъ стоитъ сильная—три рубля серебромъ за куль; а коли овинный, то и набавятъ. Понялъ?

— Понялъ,—говоритъ Ермилъ, а у самого такъ и мелькаетъ въ мысляхъ: сколько же лишковъ получить купецъ? И смѣкнулъ, что лишковъ будетъ на каждый куль 46 копѣекъ, потому овесъ больше все мужицкій, сиромолотный. И, смѣкнувши, говоритъ:

— Лишковъ на каждый куль 46 к. выходитъ, ваше степенство.

— Лишковъ! это барышъ, малый, а не лишки. А сочти теперь, сколько всего перепадетъ на мою долю отъ двухъ-тысячъ кулей.

Не сосчиталъ Ермилъ, сбился. Купецъ засмѣялся и говоритъ: девять сотъ двадцать цѣлковыхъ, дурашка ты эдакая!—И захотѣлось ему побахвалиться передъ Ермиломъ. Вынулъ онъ бумажникъ, развернулъ и говоритъ:—гляди, тутъ всего семьсотъ рублевокъ однихъ. Такъ ежели вотъ доложить къ этой

кучѣ еще двѣ сотенныхъ бумажки, — это и будетъ мой барышъ на овесъ. Понялъ?

Повосился Ермилъ, видитъ бумажникъ у купца такъ и распухъ отъ денегъ, словно подушка какая набить.

— Понялъ,—говоритъ, а у самого такъ сердце и загорѣлось отъ жадности.

— Вотъ то-то. Сказано — ученье свѣтъ, а не ученье тьма, такъ оно и выходитъ. Ну-ка, малый, хмысни пѣгашку-то, чего она, шельма, постромки опустила.

Вздохнулъ Ермилъ, погналъ лошадей.

И сталъ съ этихъ поръ скучать Ермилъ. Возьметъ-ли метлу въ руки, примется-ли жеребца хозяйскаго чистить, начнетъ-ли сугробы сгребать—не лежитъ его душа къ работѣ. Поужинаетъ, заляжетъ спать на печь, и тепло ему, и сытно, а беспокойно у него въ мысляхъ. Представляется ему — ѣдутъ они съ купцомъ по дорогѣ, поле бѣлое, небо бѣлое, полозья визжатъ, вѣшки по сторонамъ натыканы, а купецъ запахнулъ шубу, и изъ-за шубы бумажникъ у него оттопырился. Люди храпъ подымутъ, на дворѣ пѣтухи закричатъ, въ соборѣ къ утренѣ ударятъ, а Ермилъ все вертится съ бока на бокъ. Прежде развѣлся онъ на хозяйскихъ харчахъ; щеки отдулись, шея стала какъ у борова,

кафтанъ — что захватилъ изъ дома — не сходится: станетъ застегивать — пельки трещать. А тутъ дѣла подошло — отошаль онъ отъ своихъ мыслей, изъ лица сталъ темный, глаза ввалились. Никакъ не одолѣеть своей жадности. А поглядить на купеческую жизнь — еще больше разжигаетъ его зависть. Утромъ встанетъ купецъ, обрядится, вздѣнетъ лисью шубу и пойдетъ къ обѣднѣ. Домой воротится — самоваръ у него на столѣ, пироги пшеничные, лепешки сдобные. Жена разрядится, ковровый платокъ распустить по плечамъ, сидить, чаекъ попиваетъ; щеки красныя, сама рыхлая, толстая, такъ и разваливается какъ малина. Наѣстся купецъ, напѣется, отвалится отъ стола и пойдетъ въ ряды на прогулку. Соберутся вупцы въ рядахъ, учнутъ шутки шутить, зазовутъ для потѣхи дурачка какого нибудь, заставятъ его пѣсни играть, плясать, — сами такъ и надрываются со смѣху. Не то — въ трактиръ пойдутъ чай пить, о торговыхъ своихъ дѣлахъ толкуютъ. Придетъ купецъ домой, — ужъ на столѣ и жареное, и вареное. И гусятина каждый день, и щи съ убоиной, и калца съ масломъ, и водка, и квасъ. Послѣ обѣда ляжетъ купецъ съ женой на пуховики и спитъ вплоть до вечера. Выспится — за ворота выйдетъ, орѣхи начнетъ щелкать. Кто не пройдетъ мимо — поклонъ ему отдаетъ.